

О генезисе видовых отличий

(К Уточнению Видовой Проблемы)

Давней, школьной истиной считается то основное положение Дарвинизма (*sensu strictior*) части, объясняющей многообразие живого мира ссылкой на происхождение одомашненных животных, искони в бесчисленных породах разводимых человеком.

Два процесса, и притом **один** — веками и реально проводившийся в целях выращивания новых рас, или пород животных, и другой — предполагаемый, имеющий задачу — разгадать по аналогии многообразие строения и форм животных, обитающих на воле.

Два «**Отбора**», понимаемых в широком смысле слова, именно «**Искусственный**», руками человека, и «**Естественный**» слепыми силами самой природы.

И могло бы показаться, что давно вошедшая в учебники эта гигантская и творческая аналогия, успешно противостоявшая столетней критике, ныне достаточно упрочена и не нуждается в особых пояснениях и коррективах.

В какой мере это допущение оправдано — покажут нижеследующие страницы, писанные убежденным эволюционистом и горячим почитателем великого британского ученого.

Учитывая, что абстрактных рассуждений по отдельным пунктам Видовой Проблемы было более, чем достаточно, мы попытаемся коснуться этой темы более конкретно, опираясь на шестидесятилетний личный опыт пишущего эти строки, как зоолога и музеолога.

Давно известны та разноречивость и то разногласие, что обнаружили среди преемников великого ученого, при том не только во враждебном к Дарвинизму лагере, но и среди заведомых сторонников и даже пламенных адептов стиля и диапазон **Уоллеса** и **Вейсмана**, или **Романеса**. И, если первые два, как «ультра-дарвиниста» выступали голословно за безоговорочное признание абсолютной адаптивности всех видовых отличий, то по мнению **Романеса** (и компетентнейшего дарвиниста, автора известной сводки по учению **Дарвина**, Людвига **Плате**...) мысль о витальной, жизненной полезности отличий видового ранга в большей своей части совершенно **недоказана**.

И, тем не менее, эти призывы к осторожности в суждении о пользе **видовых** отличий, эти оговорки, оказались мало актуальными и вся Теория Естественного Подбора до сих пор считается за наиболее доказанную, действенную причину генезиса **Видов**.

Задача нижеследующих строк — критически, благожелательно с позиции горячего сторонника идеи эволюции живого мира, опираясь о шестидесятилетний труд, фактически проверить эту основную базу Дарвиновой аналогии: сравнение **Искусственного** и **Естественного** Подбора, самую оправданность их аналогии, на фактах, либо неизвестных **Дарвину**, либо оставшихся им по достоинству не оцененных.

Но начать приходится с исходной, основной концепции — с **Искусственного Подбора**.

Всего прежде следует отметить двойственный, двоякий тип методики, приема выведения новых пород животных, именно:

- I. Приема накопления, выращивания уклонений, возникающих «случайно» спорадично **лишь в пределах той же расы, той же группы и породы особей**.
- II. Метода образования новых рас в итоге **скрещивания** разных рас, для получения новых комбинаций, или признаков, присущих взятым для гибридизации пород.

Легко понять, что если применение второго метода, в виде **исходного**, в дальнейшем и не исключает первого, это мешение двух совершенно разных по происхождению источников новообразований совершенно исключает строгое разграничение участия и роли каждого из них в образовании новых признаков.

Но столь же очевидно, что аналогизация с Естественным Подбором, постулируемым для животных, обитающих на воле, подлежит лишь **первый** метод выведения культурных рас, только искусственный Подбор, в прямом, исконном смысле и значении слова, проводимом **без** внесения крови инородных рас, способных совершенно затемнить картину генезиса данной разбираемой породы.

Поступить обратно и усматривать параллелизм между межпородным скрещивающим, проводимым человеком и процессом видоформования на воле — значило бы возвратиться к примитивным взглядам ранних авторов, наивно допуская возникновение новых «Видов» в результате скрещивания существующих.

На базе этих школьных и элементарных истин обратимся к обсуждению того, насколько в свете современных наших знаний, по прошествии столетия со дня опубликования «Происхождения Видов», уточнились наши сведения о фактах, полагавшихся в основу величайшей аналогии между Искусственным Подбором, проводимым человеком и «Подбором» протекающим на воле силами самой природы.

Всего прежде ограничимся примерами животных одомашненных происхождения **монофилетического**.

Классическим примером может послужить, как то общеизвестно, наши **куры**, прирученные с глубокой древности и ныне разводимые в бесчисленных породах.

В монофилетичном их происхождении, именно от дикого «Банкивца» (*Gallus ferrugineus*) вряд ли можно сомневаться, поскольку три других куриных родича ничем не проявляют своего участия в образовании пород наших домашних кур и рядом признаков отличных от последних.

Обычная окраска оперения петуха «Банкивского», «Красной кустарниковой курицы» общеизвестна по неотличимости ее от оперения беспородных наших кур и только мелкий рост и стройность тела дикого «Банкивца» ясно выдают дикого, чуткого обитателя далеких джунглей.

Интереснее другое. То разнообразие окраски и рисунка оперения, которые присуще многочисленным породам наших кур, не только чистокровным, но и беспородным, или полукровным, в разной мере удержавшим в разной степени следы бывшего скрещивания с породистыми курами.

Достаточно напомнить одноцветно-сизую окраску, или вычурную разрисовку оперения кур и петухов породы «Брама», «Гамбургской» и «Виандитов».

И естественно спросить: Каким путем сложились эти прихотливые орнаменты, столь непохожие на относительно простое и лишенное цветистого рисунка оперение дикого «Банкивца»?

Хорошо известно объяснение, даваемое **Дарвином**: «Путем лишь долгого и медленного накопления, наращивания отдельных и „случайных“, спорадично появившихся узорчатых и прихотливо разрисованных перьев до захвата ими всего тела птицы».

Помощью «Искусственного Подбора»: подбирания, приумножением из поколения в поколение количества **отдельных** необычных первых подмеченных владельцем-человеком.

Но естественно спросить: Известны ли для дикого Банкивца, как родоначальника домашних кур, хотя бы лишь намеки на случайные и спорадические проявления отдельных уклоняющихся перьев типа, наблюдаемого у вышеназванных чистопородных кур?

И, если «да», — то точно ли лишь постепенным, медленным наращиванием таких отдельных аномальных по окраске перьев удалось за время долгих лет сложить их в целостный наряд, присущий современным курам типа «Сизых Андалузов», «Брама», «Гамбургских» и «Виандитов»?

Хорошо известно, что по **Дарвину** ответить на вопросы эти следует **положительно**.

Но так ли это есть на самом деле?

Ведь доселе никому не приходилось видеть петуха Банкивского с хотя бы лишь одним пером по типу прирученных только что декоративных кур: сплошь сизых Андалузов, Брама, или Виандитов.

Нам ответят: И понятно почему! Ведь общее число банкивских кур и петухов, хранящихся в музеях всего мира в виде чучел, или тушек, вряд ли превосходит пару тысяч особей, — число, ничтожное для выявления изменчивости животного.

Естественно, что приписав воображаемому предку наших кур наличие случайных, редких и частичных изменений их нарядов в направлении нынешних культурных рас, **Дарвин** вынужден был аргументировать лишь недуктивно, априорно наделяя предков наших нынешних «декоративных» кур задатками их современных оперений.

Но тем рациональнее оказывалось обратиться к изучению птиц, тоже «куриных», пусть неблизкородственных домашним курам, говоря точнее, дикому их прародителю, Банкивцу, но имеющих одно большое преимущество.

Являясь издавна объектом массового добывания и заготовок, и при том в стране с холодным климатом, содействующим длительному сохранению битой птицы, эти северные представители Куриных позволяют по закону «Параллельной Изменяемости» изучать ее на материале, измеряемом **в миллионах** особей, в цифрах, дающих полную картину изменяемости вида.

Мы имеем здесь ввиду распространенного по всему Северу Европы **Тетерева-Косача** (*Lagopus tetrix*), специально изучавшегося автором за время более полувека (с 1986 года).

Кратко выражаясь, можно сформулировать итоги этого полустолетнего исследования следующим образом.

Согласно хорошо известному «Закону Параллельных Изменений», всем главнейшим типам существующих «орнаментальных» оперений наших кур возможно подыскать аналоги «абerrативных» оперений Тетерева-Косача, при том **не** в виде лишь отдельных перышек, но в форме целостных, законченных нарядов целой птицы, или с захватом целых партий оперения.

Но этим самым может быть оправдан и обратный вывод: факт ненахождения доселе у дикого Банкивца оперений, сходных с таковыми одомашненных декоративных кур в широкой мере объясняется лишь малочисленностью хранящихся в музеях экземпляров этой птицы.

Можно с полной уверенностью утверждать, что при достаточном количестве исследуемых особей, дикий Банкивец обнаружил бы такое же обилие абerrативных оперений, как и его северный, не слишком близко-родственный собрат, наш Тетерев-Косач.

Имея полную возможность подтвердить здесь сказанное об обилии абerrативных оперений тетерева в направлении такового у декоративных кур на абсолютно уникальных экспонатах **Дарвиновского Музея**, собранных за время 70 лет за счет неисчислимых миллионов «нормальных» птиц (подробнее об этом замечательном параллелизме можно прочитать в моей иллюстрированной статье, опубликованной Зоологическим Обществом Англии..), уместно сделать два главнейших вывода, более тесно связанных с тематикой нашей сегодняшней работы.

Всего прежде вывод, относящийся к самому способу возникновения изменений оперения у столь различных по повадкам и по месту обитания птиц, как Тетерев-Косач (*Lagopus tetrix*) и Петух Банкивский (*Gallus lagopus*): там — утонувшая в снегах тайга, или степной простор, здесь — экзотические Джунгли, или гуки камышей.

Это предельное несходство обитаемой среды показывает, что источники аналогичных изменений у обеих птиц таятся в недрах организмов, будучи всецело **бластогонными** и не зависят от влияния почвы, климата и пищи.

Следующее, второе заключение: ни разу, из бесчисленных миллионов пересмотренных тетеревов за время семидесяти лет не удалось напасть на особей с **начальным** только уклонением в сторону определенной абerrации. Ни разу не встречалась птица, у которой только на отдельных опахалах наблюдались бы следы, или зачатки уклонения в сторону «Ланцетовидной», «Белобрюхой» или «Андалузской, сизой» абerrации.

Всегда и неизменно, каждый раз абerrативность выявлялась в полной мере, целиком охватывая **все** подлежащие изменчивости партии.

Столь поразительное постоянство в сохранении рисунка всех абerrативных уклонений (в полное отличие от **ассиметричных** альбиносов, в оперении которых можно без труда найти все переходы, или стадии недоразвития пигмента от отдельных белых перышек до полного, сплошного альбинизма..), можно оправдать два следующих вывода:

I. По линии «**Естественного Подбора**», правильное говоря, по линии «Видовой Проблемы»:

Можно с полной уверенностью сказать, что попадись десятки абсолютно сходном разрисованных аберративных форм тетеревиных птиц (типа «каемчатой», «ланцетовидной» или «белобрюхой») — орнитологу былой формальной школы систематиков, — он, не подозревая спорадичности находок этих аберраций, в увлечении выкраивания «новых видов» одарил бы Зоологию десятком «новых» видовых названий: в такой мере постоянство, повторяемость окраски и рисунка оперения означенных аберративных форм созвучны видовым критериям и диагнозам.

И хотя, узнав о спорадичности вкрапления подобных аберраций в популяции типичных «Чернышей-Тетеревов», наш систематик убедился бы в своей ошибке и кассировал бы вновь описанные «Виды», самая возможность толкования «Аберрации» за новый (хотя мнимый!) вид в высокой мере знаменательна.¹

В воображаемом примере, нами приведенном, можно усмотреть свидетельство того, что цветовые отклонения в природе могут достигать порою даже **видового** ранга. Более того, что в аберрациях по типу приведенных, мы имеем редкий случай, позволяющий нам до известной степени понять происхождение, генезис природных «видов», не путем абстрактных умозаключений, а на вещных и вполне реально существующих примерах.

II. По Линии «**Искусственного Подбора**» — выведения новых рас, или расцветок одомашненных животных.

Хорошо известно, что главнейшим методом или приемом проведения Искусственного Подбора **Дарвин** признавал накапливание, наращение небольших полезных человеку индивидуальных уклонений, возникающих среди им разводимых особей животных и растений.

И хотя эпизодическое появление более резких и скачкообразных изменений **Дарвином** не отрицалось, все же их значение и роль в процессе выведения новых пород им признавались только в виде исключения (как на примере «Черноплечего Павлина»).

Эта явная недооценка **Дарвином** спонтанных, резких единичных изменений разделялась и доселе большинством биологов, писавших об Искусственном Подборе, и при том не отдавая себе ясного отчета о реальных, исторических ступенях, или стадиях образования пород.

Негласно, молчаливо принималось, что, как признаки **полезные** (мясные качества, склад тела, рост, обилие пера и шерсти..) так и свойства, ценные лишь для любителя (окраска оперения, его расцветка у декоративных форм..) — слагались, совершенствовались лишь в итоге длительного, кропотливого суммирования, накопления начальных минимальных, а порой минуциознейших случайных уклонений в направлении, желательном для человека.

Но является довольно очевидным, что в подобном допущении смешивались **два** момента: **первое**, начальное, исходное возникновение первых признаков новой породы и ее усовершенствование в дальнейшем.

И, однако, если в отношении хозяйственно-полезных свойств животного два названных момента исторически неразделимы, то по отношению к декоративным птицам, каковы породы одомашненных пернатых, в частности домашних голубей и кур, — столетие, прошедшее со времени бессмертной книги **Дарвина** внесло значительные коррективы.

Можно с полной уверенностью утверждать, что никогда, ни одному зоологу, заводчику, или любителю не приходилось видеть петуха Банкивского, или неотличимого по цвету оперения петуха домашнего но беспородного, с **отдельным** перышком типа, присущего теперешнему «Андалузу», или «Виандоту».

Самое предположение, что сизая окраска первого и вычурный рисунок оперения второго — результаты долгого и тщательного выискивания отдельных опухал с желательным рисунком и последующего наращения подобных перьев в ряде поколений — есть **чистейшая дедукция**, построенная умозрительно по аналогии с подбором признаков и свойств «хозяйственного» применения: веса тела, роста, склада, ниценокости, обилия пера и пуха. Здесь, в освоении подобных свойств Подбор действительно осуществлялся долги-

¹ Конкретным показательным примером может послужить описанный одним из величайших орнитологов былой России (1880) «Темнобрюхий Рябчик» (*Bonasa Griseiventris*) вошедший как особый «Вид» даже в столь компетентную сводку, как «Кембриджская Ест. История», а на самом деле оказавшийся только одной из аберраций обыкновенного Рябчика.

ми веками в форме тщательного выбора, выскивания мельчайших уклонений в направлении, полезном для заводчика и птицевода.

Но переносить **этот** подбор таких мельчайших «градуированных» в силе выявления признаков и преимуществ на черты и свойства, относимые не к целостному организму, а к особенностям, приводящим и касающимся лишь деталей оперения, не имеющих витального значения, а отвечающих лишь эстетическим, декоративным вкусам человека, его прихотям, или капризам, смешивать эти два рода признаков, возможно лишь во имя априорных доводов и установок.

Опираясь на полустолетние фактические наблюдения (с 1896 г.) пишущего эти строки, можно утверждать, что наподобие аналогичным изменениям в оперении диких представителем Куриных, в частности Тетеревиных птиц, исходные аберративные узоры и рисунки в оперении наших породистых домашних кур обязаны в своем происхождении мутативным, целостным, аберративным уклонениям, спонтанно охватившим **весь** наряд древнейших представителей домашних кур, а не отдельные и спорадические опахла единичных перьев.

Что подобные «мутации» не исключали применение последующего их подбора — более, чем очевидно, но касался он деталей, совершенствования четкости узора и окраски, а не зарождения, не первого возникновения его, как такового.

А теперь вернемся к «**Видовой проблеме**».

Первое, что нам приходится еще раз подчеркнуть — это общеизвестную недооценку **Дарвином** наличия в природе спорадических спонтанных резких уклонений, проще выражаясь, роли и значения для эволюций «Скачков в Природе».

Поводом к такому отрицанию явилось сходное же отрицание **Дарвином** значения спонтанных уклонений при образовании одомашненных пород животных и растений, выдвигание им роли мелких индивидуальных повсеместных изменений, в области окраски и рисунка.

Эти изменения **постулировались Дарвином** по аналогии с действительно тончайше градуированными свойствами по линии веса тела склада, густоты пера, по яйценоскости, драчливости, выносливости и других **количественно** определяемых свойств.

Основываясь на полустолетнем и конкретном изучении вопроса мы старались показать, что не в пример хозяйственной полезным свойствам наших одомашненных животных, в частности домашних кур, их специфично расовые признаки, окраски и рисунка, зародились некогда спонтанно, целостно и мутативно, как спонтанно возникают и поныне на глазах у нас «аберративные» наряды диких представителей куриных птиц.

Но если так, — то и по отношению к обитающим на воле **Видам** справедливо провести подобное же разделение: признаков «градуированных» по силе выраженности у разных особей того же вида, как строение, склад, рост, приспособленности к среде, способность к длительному бегу, перелетам и тому подобные **вита**льно ценные достоинства и свойства, разные по силе и поэтому доступные тончайшему учету в жизненной борьбе и вытекающему из нее «Естественному Подбору.»

Этим подлинно витальным признакам уместно противопоставить категорию других, при том гораздо более **специфических**, т.е. присущих именно различным **Видам** и для них характерных. Сюда прежде всего относятся подробности окраски и рисунка оперения, особенно диагностичные для птиц.

Однако же и здесь необходима дифференцировка: как известно оперение разных птиц не равнозначна по биологической их ценности.

Дело одно — наряды, явно адаптивные, будь то окраска обитателей пустынь, степей, гуши лесов, или снегов кругополярных зон.

Легко понять, что в применении к таким нарядам (если и не без оговорок!) медленное накопление, наращивание, усиление «криптичности» покровов тела в сторону созвучности с тонами обитаемых ландшафтов в широчайшей мере стимулируется Естественным Подбором, хотя общий тип и тон подобных «защитных

нарядов» приурочен всего чаще **не** к отдельным **Видам**, но охватывает целые рода, отчасти даже характеризую целые семейства.²

И другое дело — оперение, или цвет тела подавляющего большинства животных и при том особенно деталей рисовки и окраски **видового** ранга, **видовых** отличий.

В заключение нашего Очерка, имеющего подчеркнуть значение и роль спонтанных, резких, редких уклонений («аббераций») в эволюции живой природы и необязательность наличия «переходных» форм в процессе Видообразования, в попытке нашей заронить сомнение в полезности **всех** видовых отличий к тем самым ограничить роль «Борьбы за Жизнь» и «Естественного Подбора» только сферой подлинно витальных для животных признаков (присущих, разумеется, каждому **Виду**, — мы позволим себе в подтверждение сказанного текстуально привести суждение о «Видовой Проблеме» одного из величайших дарвинистов и мыслителей-ученых прошлого столетия, ближайшего сподвижника, защитника и друга **Чарлза Дарвина**:

«I think transmutation may take place without transition»

«In passing from species to species Natura fecit saltum»

Life and Letters

of

Thomas Henry Huxley.

Vol. I. Page 173. (From a letter to Sir Charles Lyell, Yune 25.1859)

Доктора Биологических Наук

Основателя (1896) Дарвиновского Музея

в Москве,

А. Ф. Котс.

Действ. Члена Лондонского Зоологического Общества,

Члена-Корреспондента **Линнеевского Общества** в Лондоне.

/Dr. Alexander Eric Coates, F.F.Z.S. — A.L.S./

Founder (1896) of the «museum Darwinianum» of Moscow.

1 экз. — Редакция — 21 лл.

К уточнению «Видовой проблемы»

Задача нижеследующих строк — итога 70-тилетних личных наблюдений — внести реальный вещный корректив в общеизвестное учение **Дарвина** «об Искусственном» и «Естественном Подборе», как руководящих факторах процесса эволюции живых существ.

Основные положения этого учения, будь то по линии одомашненных пород животных, выводимых волей человека, или по разделу обитающих на воле организмов, изменяемых слепыми силами самой природы, слишком хорошо известны, будучи сводимы к накоплению **небольших** природных индивидуальных уклонений, **часто** свойственных животным и растениям.

² Даже в отношении Классического, школьного примера бабочки **Каллимы** «Подражающей в своей Исподней стороне крыла так паразитично завядшему листу, обычно забывают, что столь потрясающая „листовидность“ есть явление **Родового** ранга, оставляющее незатронутым вопрос о генезисе **Видовых** отличий разных видов этих бабочек.»

В этом подчеркивании роли в эволюции лишь небольших, порой мельчайших изменений и в недооценке редких, резких и «скачкообразных» уклонений, их значения в процессе видообразования, **Дарвин** как известно, расходился со своим ближайшим другом и апологетом, величайшим дарвинистом прошлого столетия, **Томасом Генри Гексли**.

Это убеждение последнего в значении «скачков» в природе было тем разительнее, что упиралось оно на свидетельства и факты, более, чем скромные: примеры изредка встречаемых уродств, типа «овцы Маковской» или шестипалости людской руки.

Известно, между тем, что это знаменательное для своей поры признание «скачков», как двигателей эволюции живой природы, не имело ни малейшего влияния на ход науки, и, конечно, не оно внушило автору этого очерка его шестидесятилетний труд.

И то же следует сказать о незабвенном личном посещении автором (осень 1905) «золотых» культур голландского ботаника Гуго до **Фриза**, знаменитого создателя «Теории Мутации», поскольку как известно, многоформность соцветий «Энотер» сводилась к их пролигибридности.

Источники, приведшие к созданию настоящего труда были совсем другие.

Музеолог и зоолог, автор с самых ранних лет энтузиастично отдавался собиранию орнитологических коллекций и особенно различных аномальных по окраске оперения пернатых, в частности тетеревиных птиц, обильно поступавших на московские бывшие рынки.

Как былой директор (1918-1935) Московского Зоологического Сада, автор уделяя внимание на скрещивание декоративных пород кур, чему особенно содействовало наличие «разбитых», представленных одним лишь полом, исключавших разведение породы в чистом виде.

В результате — две коллекции, две серии музейных и научных документов по вопросу об изменчивости «вольной», и домашней птицы.

Первая — по линии тетеревиных птиц, собиравшаяся долгие десять лет и абсолютная по своему составу.

Вторая серия, по линии домашней птицы, менее уникальная, но все же редкая, особенно учитывая небрежение большинства зоологов к вопросам, связанным с декоративным птицеводством.

Сопоставление обеих серий и является той эмпирической основой, на которой зиждятся последующие рассуждения.

Начнем с вопроса: Каким образом произошло это обилие расцветок оперения «декоративных» пород кур?

Вопрос — мнимо банальный, как и разрешение его: путем «Подбора», долгими годами проводившегося человеком, тщательным выискиванием и накоплением мелких индивидуальных уклонений в оперении разводимых птиц, согласно вкусам, или прихотям владельца-человека.

Основной, элементарной предпосылкой для такого нарастания небольших начальных изменений принималось одно мнимо-трусистическое положение.

Молчаливо признавалось, что былой родоначальник всех домашних кур, их дикий прародитель, уроженец Индии, **Петух Банкивский**, проявлял варьации в окраске и рисунке **опахал отдельных перьев** и что только нарастанием этих **отдельных** перьев, удалось сложить их в целостные оперения, подобные нарядам нынешних Бэнтамок, Виандотов и Сиз. Андалузов.

Таково традиционное и общепринятое объяснение, давно, со времен **Дарвина**, вошедшее в учебники, не вызывая ни малейшего сомнения.

Но тем уместнее спросить: кому, когда и где случалось видеть Петуха Банковского, или хотя бы только сходного по оперению петуха домашнего, но беспородного с намеками на спорадично вкрапление **отдельных опухал** по типу, свойственному вышеназванным декоративным курам?

Приходилось ли кому нибудь увидеть петуха «Банкивской масти, красногровкой, чернобрюхой» с **единичным** перышком окраски и рисунком «Гамбургским», «Бэнтамским», или «Вилидстским»?

Мы ответим: Никогда, нигде, ни разу никому не приходилось видеть Петуха Банкивского с подобным единичным опахалом!

Петух банкивский, в оперении которого имелось бы **отдельное** перо наших теперешних декоративных кур — есть существо фиктивное продукт спекулятивной мысли, априорно-дедуктивного мышления!

Легко предвидеть возражение. Нам скажут: факт ненахождения доселе петуха Банкивского с зачатками пера декоративных кур всецело объясняется малым количеством известных до сих пор «Банкивцев». Общее число их по музеям всего мира вряд ли превосходит пару тысяч экземпляров, между тем как подлинный диапазон вариации дикого животного установим, за правило, лишь при анализе десятков тысяч, чтобы ни сказать, миллионов экземпляров.

Довод основательный, и справедливый. Но поскольку именно петух Банкивский в отношении **количественном** непригоден для анализа его вариаций, нам приходится невольно обратиться к изучению других «куриных» птиц, не слишком, правда, родственных домашним курам, но имеющих перед Банкавцем ряд бесспорных преимуществ.

???, или в степях безлесных, — наших косачей, то обитателей тропических лесов и камышей, — аборигена тропиков, Банкивца, — ясно выключает роль среды, значение почвы, или климата, в образовании столь сходных аномальных оперений.

Но еще значительнее главный вывод из всего доселе сказанного о гомологичности аберративных оперений тетерева-Косача и вычурных нарядов нынешних декоративных пород кур.

Мы подошли к центральному, решающему обобщению нашей работы, претендующей на привнесение существенного корректива в существующие представления с роли и значения, или точнее, о пределах приложимости какого бы то ни было «Подбора», как биологического фактора в процессе эволюции живых существ.

Исходной базой для последующих рассуждений и ответственных выводов является основанный на долготных наблюдениях следующий факт:

Ни разу автору за более полувека не случилось увидеть из многих тысяч аномальных косачей, отобранных за счет миллионов птиц, нормальных по перу, ни разу автору не удалось напасть на экземпляр, который при обычной вообще окраске обнаружил бы отдельные и спорадические перья (опахала) аномального, аберративного характера по типу «Альбивентрис», «Маргината» и «Ланцеолата».

Не в пример ассиметричным альбиносам, находимым на различных стадиях недоразвития пигмента и во всех тончайших переходах от наличия немногих единичных белых перьев до полнейшего исчезновения пигментации, — всегда и неизменно аберрации захватывали целостно все, или почти все оперение птицы, оставляя разве темную, нормальную окраску головы и прилегающей части шеи.

Постоянно и без исключения «Мутации» касались не отдельных опахал, вкрапленных спорадически в нормальные наряды, но всегда охватывали целостное, или почти целостное оперение, резко выделяясь в общей популяции нормальных птиц.

Разумею мы Палеарктический Отряд **Тетеревиных Птиц** и, всего прежде, Тетерева Косача.

Преимущества именно этой птицы для исследований в наших целях, могут быть сводимы к следующим.

- I. Добывание в огромных массах: по имеющимся сведениям на один только московский рынок ежегодно привозилось до миллиона пар тетеревов.
- II. Их длительная сохраняемость в мороженном состоянии, что возможно лишь в стране с холодным климатом, в отличие от уроженцев тропиков, подобных петуху Банкивскому.
- III. Возможность выявить на столь обширном материале (в несколько десятков тысяч экземпляров..) подлинный диапазон изменчивости этой птицы.

Результаты этого анализа: факт несомненного переключения аберративных оперений косачей с нарядами наших декоративных кур, как это явствует из прилагаемых фототаблицы и сопоставления обоих оперений.

Но отсюда — неизбежный и логически неотвратимый вывод:

Безусловная уверенность, что при достаточном количестве обследованных особей родоначальника домашних кур, «Банкивца» удалось бы отыскать среди аберрационных особей последнего все типы оперения, присущие нашим декоративным курам.

Но не менее бесспорно следующее допущение.

Мы разумеем бластогенность аберраций оперений, будь то в отношении реально наблюдаемых среди тетеревов, или реально заключаемых по отношению к дикому Банкивцу. Самый факт гомологичных уклонений в оперении то у жителей снегами занесенной северной

Тем самым мы имеем право признавать подобные же **целостные** аберрации и в отношении петухов Банкивских, принимать, что к этим редким, резким, «**мутативным**» изменениям их оперения сводимы и наряды вписанных декоративных рас домашних кур.

Но, если так, то лишь естественно спросить: Откуда столь обычное доселе представление о медленном и постепенном накоплении, наращивании отдельных аномальных перьев до слагания в дефинитивные наряды, это оперирование с «флуктуациями»?

Ответить на вопрос нетрудно. Это столь обычное и ставшее на положение «канона» выдвигание мелких и порой «мельчайших» индивидуальных преимуществ в роли материала для «Искусственного Подбора» объясняется смешением двоякого порядка.

I. Первое смешение — признаков экономически-полезных и лишенных этой пользы и практичности в прямом, обычном смысле слова.

К первой категории мы отнесем все признаки и свойства, физиолого-анатомического содержания: размеры, складки, формы тела, степень яйценоскости, обилие пера и пуха. Эти, как и многие другие качества бесспорно разнятся у разных особей, «градуированы» по силе выраженности и поэтому вполне доступны медленному усилению путем реального отбора мелких и порой мельчайших уклонений в сторону, желательную человеку.

В полное отличие от этих «флуктуаций», следует признать такие признаки, как цветность или разрисовка оперения. Своим возникновением они обязаны спонтанным, целостным «мутациям» и лишь позднее, после проявления своем в «логовом виде», будучи изменчивы, как всякий признак, подлежащие усовершенствованию в деталях, в чистоте, подробностях рисунка помощью «Искусственного Подбора».

Говоря иначе: эмпирически, реально проводившийся «Подбор особенностей» первой категории **автоматически** перенесли на признаки, в готовом виде, мутативно, некогда возникшие без всякого «Подбора» и лишь дедуктивно приравненные к воображаемому «флуктуациям».

II. Второе, более понятное смешение — **перво** возникновения аберративных признаков окраски и рисунка, в готовом виде, задавшихся без всякого «подбора» и позднейшего усовершенствования путем последнего, но лишь в деталях.

Говоря короче: признаки, лежащие в основе нынешних декоративных пород кур, обязаны «Искусственному Подбору» лишь усовершенствованием в деталях, **но не обязаны ему своим происхождением.**

В различной мере это обобщение распространимо и на прочих одомашненных животных, в чем нетрудно убедиться, памятуя, что доселе никому не приходилось видеть — не смотря на массовое добывание — «пестрых» волков и диких кошек пестрых, а лишь изредка меланистических и хромистически «мутаций» **целого** животного (Имеющихся в Дарвиновском Музее).

Таков наш корректив в суждении о пределах приложимости «Естественного Подбора», проводящегося человеком.

Властно и неодолимо здесь рождается опрос: насколько сходный корректив распространим и на учение об «**Естественном Подборе**», протекающем по **Дарвину** на воле, силами самой природы?

К обсуждению этого вопроса мы и переходим, взявши за исходное все те же aberrации Тетеревиных птиц.

И первое, что здесь приходится отметить — это самый тип aberrативных уклонений, несомненно приближающийся к **Видовому**.

В подтверждение этого достаточно здесь привести один «классический» пример.

Одним из величайших орнитологов бывлой России, в сущности их возглавлявший долгие полвека, выдающийся зоолог и профессор (и бывлой Гиана) в московском Университете, незабвенный мой учитель **М.А. Мензбир** описал в конце минувшего столетия особый «новый» **Вид** нашего **Рябчика** по экземплярам, добытым на Севере России. Как заметно отличавшийся сплошь темным оперением с весьма своеобразным тонким, вычурным рисунком этот Рябчик под особым видовым названием «Темнобрюхого» (Терастес Гризенвентрис) был включен во все последующие труды профессора.

Хотя со стороны другого орнитолога и видного специалиста по разделу Птиц, профессора **М. Богданова**, в тогдашнем Петербурге, выражались весьма веские сомнения с указанием, что речь идет лишь об одном из «выродков», столь часто наблюдаемых среди тетеревиных птиц, **Мензбир** настаивал на видовой самостоятельности им описанного Рябчика, ссылаясь на константность необычного пера и на определенность местонахождения, с центром в Чердынской области.

Но именно последнее не подтвердилось, как показывает нам десяток «Темнобрюхих Рябчиков» **Дарвиновского Музея**, добытых в самых различных местностях и совершенно идентичных по перу.

На самом деле, мы имеем в «Темнобрюхом» Рябчике пример **меланистической мутации**, весьма стабильной, но лишенной всякого намека на локализацию к определенному району обитания, мутации, встречаемой лишь крайне редко, спорадично, среди особей «нормальных» по окраске.

Сходное **меланистическое** уклонение можно найти среди Тетерек (названное иною «Тенеброза») и среди других пернатых (в частности, у сов, у Неясыти, меланистические aberrации которых были выделены, и, конечно, столь же прежде временно, под «новым» видовым названием. С. Нильковский).

Можно уверенно сказать, что попадись зоологу бывлой формальной школе на глаза моя коллекция aberrативных косачей, он не противостоял бы искушению одарить Орнитологию десятком мнимо новых видовых «Видов».

Приведенные примеры призваны наглядно показать, насколько близко «мутативные» редчайшие и спорадические уклонения способны имитировать отличия и свойства «видового» ранга, вызывать смешение с последними даже виднейших, опытнейших орнитологов.

Но, разумеется, важнее, чем здесь приведенные «таксономические ляпсусы», свидетельствующие лишь о близости мутаций к свойствам видового ранга, убедительнее говорят о роли мутативных спонтанных уклонений факты **Видового Диморфизма**.

Опуская многие десятки издавна известных случаев диморфных буревестников и панель, остановимся лишь на одном примере, менее известном: на истории так наз. «желтого Подорлика».

Издавна признававшийся самостоятельным особым **Видом**, приводившимся во всех и даже самых компетентных сводках, под особым видовым названием («Аквила фулвесценс»), названный орел на деле представляет только «хромистическую» фазу нашего обыкновенного подорлика, и именно «Большого» (Аквила Кланга), как показывает нахождение в одном гнезде пары орлят на взлете, из которых — один с пером типичнейшего темного подорлика, другой — с великолепным золотистым оперением «желтого».

Подобная же пара найдена была позднее в Юго-Зап. Сибири.

Остается только удивляться, как при виде столь распространенного явления «Скачков» в природе и скачков бесспорно «Видового» ранга, современные биологи так мало склонны придавать значение мутациям, как эффективным факторам в процессе зарождения «Новых Видов».

В этом небрежении к Мутациям сказались, может быть, малоудачная по выводам работа Амстердамского ботаника Гуго де Фриза и, однако, непредвзятое знакомство с подлинной природой вынуждает нас признать громадную и частью первенствующую роль «скачков», «прерывов постепенности» в процессе видообразования.

Необходимо, впрочем, сделать здесь существенную оговорку. Совершенно также, как мы, говоря об одомашненных животных, различали качества, полезные для человека и лишённые этой полезности в прямом значении слова, так и разбирая объективно **видовые** признаки животных, обитающих на воле, должно различать черты и признаки, полезные для жизни самого животного и свойства, о полезности, об адаптивности которых дарвинисты говорят лишь априорно и по аналогии с «приспособительными» свойствами.

К чертам и свойствам первой категории мы всего прежде отнесем весь мир так называемых «криптических» окрасок, будь то обитателей лесов, степей, пустынь, снегов и водоемов, или обитателей «микрорландшафтов» — венчиков цветов, коры, сухих ветвей или зеленого листа.

Мы говорим о «защитной», о «Покровительственной» окраске у животных, столь созвучной часто окружающей среде, хотя обычно забывают, что «криптическими», адаптивными, являются обычно только признаки **над-видового** ранга. Показать конкретно пользу **видовых** деталей защитных нарядов редко удается.

Равным образом, бесспорно адаптивными являются особенности склада и строения ног, клюва, формы рулевых, способность бега, плаванья, нырненья, лазанья.. Все эти, как и многие другие физиолого-экологические признаки, способности и свойства подлежат вариации по степени развития у разных особей того же вида и поэтому бесспорно подлежат воздействию сурого начала «жизненной борьбы» и вытекающего из нее «Подбора», — «Выживания более приспособленного».

Здесь, в отношении этих признаков, способностей и жизненных потребностей **Естественный Подбор** доселе остается главным регулятором развития и роста органических приспособлений.

Но не то приходится сказать о несравненно более обширной и многообразной группе признаков, полезность, «приспособленность» которых для самих изотных только дедуктивно мыслится по аналогии со свойствами, бесспорно адаптивными.

К этой обширной категории лишь **мнимых** адаптивностей относятся необозримое обилие окрасок и рисунков оперения, ничем решительно не выдающих своей связи с окружающей средой, ничем не выдающих своей пользы и полезности для обладателя.

Напомним все неисчерпаемо многоформенность пластических деталей в очертании хвостов и крыльев многих экзотических пернатых, на изысканную красоту нарядов обитателей тропического мира и на скромную, но от того не менее загадочную разрисовку оперения птиц умеренного пояса, чтобы понять надуманность и априорность догмата «полезности» **всех** видовых отличий.

Оставляя в стороне те случаи, или примеры полового диморфизма, при котором тусклые наряды самок обусловлены «открытым» гнездованием, непонятным остается яркая окраска там, где она свойственна обоим полам.

Но не столько многоцветность, многоформенность нарядов или обликов, сколько **отсутствие реальных переходов между близкими видами, обособленность всех видовых комплексов поражает глаз**.

Естественно спросить: Откуда столь диаметрально-противоположное воззрение **Дарвина**, его уверенность в наличии тончайших переходов между видами и невозможности их строго разграничения?

Разгадка этого противоречия лежит в одном ходячем многозначном слове, породившем много разногласия среди былых натуралистов.

Это слово «Разновидность», обнимающее самые различные понятия: то индивидуальную изменчивость, то изменения локальные, то случаи гибридизации двух смежных видов.

И, учитывая, что неясность слова неизменно отражает и неясность мысли, всего лучше вовсе исключить означенное слово «Разновидность» из таксономического лексикона, заменив его другим давно и прочно установленным понятием и выражением «**Под-Вид**», понимающим только одно: локальное (географиче-

ское) уклонение, присущее **всем** особям в пределах лишь определенной территории, определенному участку общего распространения **Вида**.

Только на границах своего распространения подвиды, скрещиваясь с представителями других подвидов, образуют ряд тончайших переходов, в центре же своей исконной области **Подвиды** строго постоянны в своих признаках, как свойства **Вида**, их объединяющего.

Такое мнение о взаимной обособленности **Видов** разделялось величайшим Дарвинистом прошлого столетия, — **Томасом Генри Гексли**.

Уже в первом обращении к **Дарвину**, в письме от 23.XI.1859 **Гексли**, соглашаясь с содержанием полученной им знаменитой книги, добродушно и попутно упрекает **Дарвина** в создании излишних затруднений для принятия его учения отрицанием «скачков» в природе.

Равным образом, в письме своем, помеченном все тем же историческим в науке годом к **Чарльзу Лайеллю**, — **Гексли** с первых же строк высказывает убеждение, что «Трансмутации проходят без связующих их переходов», что, «переходя от **Вида к Виду** природа делает скачки»³.

Говоря иначе, по воззрениям **Гексли**, **Виды** возникают не путем лишь постепенного наращивания, накопления мелких индивидуальных уклонений, а спонтанно и ценой «Прерывов постепенности».

Тем самым отрицалась «адаптивность» возникающих «скачков», ибо иначе приходилось бы признать «предустановленность» гармонии скачкообразных изменений с окружающей средой, — концепцию заведомо антинаучную.

Но, если так, то в ходе эволюции, точнее говоря, возникновения «**видовых**» отличий для «Подбора» вообще не остается места, за его ненужностью и оставление его лишь в роли регулятора в процессе эволюции полезных, «адаптивных» свойств.

Элементарное сейчас, после всеобщего принятия «Тройной Терминологии», это разграничение **Вида** и **входящего в его состав под-вида** было чуждо для эпохи **Дарвина**, работающего до введения «тройных» обозначений, как того требует «Тринарная» номенклатура наших дней.

Легко понять поэтому, что смешивая два понятия, именно **Вида** и **под-вида**, **Дарвин** в столь обычных колебаниях подвидов на границе их распространения усматривал свидетельство «непостоянства» **видовых** отличий.⁴

Объясняя, таким образом, ошибку **Дарвина** несовершенным состоянием науки его времени, приходится признать неэффективность мелких индивидуальных колебаний в области **неадаптивных** признаков, как материала для Естественного Подбора.

Остается, таким образом, открыто предпочесть значение и роль «скачков» в природе для разгадки генезиса видовых отличий.

Однако, если для «Борьбы за жизнь» неадаптивность внутривидовых отличий не дает опоры для Естественного Подбора, то не объяснимы ли они влиянием другого фактора — «Борьбой за Самку», — действиям Подбора «**Полового**».

Перед нами — малоблагодарная задача: критика учения **Дарвина** о «Половом Подборе», но задача, созванная с основной нашей тематикой, поскольку признаки «вторично-половые» часто суть одновременно и «Видовые» признаки, природа и происхождение которых нас интересует.

И поскольку видовые признаки не представляют — как мы то старались показать — «градуированных» вариаций для Естественного Подбора, то естественно спросить: Не эффективнее ли роль острого глаза самок птиц при выборе ими наиболее привлекательных самцов?

³ Жизнь и письма Т.Г. Гексли. Том I. стр. 173.

⁴ Очень показательно признание одного из величайших прежних знатоков животных (хотя не ученого академического стиля...) Д-ра **Альфреда Брема**: «Изменчивость разновидностей (читай: „Подвидов“) или рас можно доказать, можно даже вызвать; превращение же одного вида в другой не установлено еще ни в едином случае».

Вопрос, тем более оправданный, что именно вторично половые признаки казались **Дарвину** особенно изменчивы, а зоркость птиц способна уловить даже мельчайшие отличия.

Задача, вытекающая из подобного суждения — двоякая: конкретно показать наличие «градуированных» по степени развития вторично-половых отличий в оперении самцов и доказать способность самок — уловить и оценить такие индивидуальные отличия и «выбирая» наилучшие, тем самым стимулировать их усиление в потомстве.

Для решения этой двойной задачи, ограничимся тремя примерами, предельно инструктивными. Перед нами — странное образование: два длинных роговых прута, подобных стержням птичьего пера.

На каждом стерженьке снизу подвешена длинная серия особых небольших придатков в виде маленьких, словно эмалевых флажков небесно-голубого цвета, и при том в определенном, точно установленном числе: по 36 на каждом стерженьке.

Не зная ничего о подлинной природе этого курьезного разования, самый догадливый и изощренный ум и глаз не смог бы угадать часть тела, наделенную этой нелепой парой роговых стержней. Куда природе вздумалось их прикрепить? к спине? к бокам? Или к хвосту, снабженному так часто именно у птиц различными придатками.

На деле, в данном случае природы превзошла себя в капризном произволе: занимающие нас «флажковые два прутика» прилажены к затылку, темени, головке птицы, самое название которой знаменует это непонятное, загадочное украшение.

Открытая сравнительно недавно, сотню лет тому назад, в лесах Новой Гвинеи, небольшая по размерам, с воробья, эта «Чешуйчатая Райская птица» (Птеридофора Альберти) доселе исключительно большая редкость в орнитологических коллекциях: достаточно сказать, что до сих пор во всей нашей стране имеется всего **четыре** экземпляра, из которых **три** хранятся в **Дарвиновском Музее**, а один — в музее **Академии Наук**.

Парадоксальность головного украшения данной птички поражает глаз даже на фоне фееричной вообще наружности всех прочих «Райских Птиц», так примитивно названных за сказочную красоту и вычурность их оперения.

Но не столько самые «флажки» изумляют, сколько их число: всегда и неизменно 36 на каждом стерженьке, не больше, и не меньше!

Это именно число наших у этих птичек при их первом описании сто лет тому назад. И это именно количество присуще трем, имеющимся в **Дарвиновском Музее**: 36 — на правой, 36 — на левой стороне, не больше и не меньше!

Это ли не «градуированность» признака! И если яркость и насыщенность пигмента затрудняется выражение в цифрах, то для точного определения количества «флажков» или «чешуек», украшающих головку разбираемой птички требуется лишь одно: уменьше самочек «Птеридофор» считать до **тридцати шести**!

Способны ли на это самки данной птички?

Опуская хорошо известные эксперименты (**Келера**) над вороном и доказавшие лишь скромные способности его учитывать количества (числом не более **семи**!), я ограничусь ссылкой на свой личный опыт, опыт пишущего эти строки.

Много раз пытался я подсчитывать количество «флажков» на каждом стерженьке у моих трех «Птеридофор» и каждый раз был вынужден остановить подсчет на первых двух десятках: в такой степени однообразие и повторяемость «флажков», ряби в глазах, срывает счет, не доводя его до половины всего стержня.

И вот, что не по силам оказалось старому профессору, имевшим дело с неподвижным чучелом, то, априорно рассуждая, думают приписывать миниатюрной птичке и ее способности к учитыванию числа «флажков» на голове самцов, к тому же находившихся в движении!!

На приведенном только что примере мы имели дело с головным придатком, поражающим отсутствием значения и смысла, с украшением, только условно относимого к понятию «Орнамента».

Мы переходим к птице, подлинно, всецело воплощенной в этом слове, к птице с «Лирой», к **Лирохвосту**.

Посмотрите, до каких деталей имитируется хвост этой невзрачной по окраске птицы с очертанием и формой **Лиры**, — давнего символа мира поэзии и звука...

Боковая пара рулевых изящной формой своего загиба словно имитируют оправу, твердую основу «лиры», средние же хвостовые перья, тонкие, с волосовидными, рассеченными опахалами как будто подражает музыкальным струнам...

Властно и неотразимо зарождается вопрос: Как объяснить возникновение этой столь совершенной имитации, переключения птичьего хвоста с античным музыкальным образом? Как объяснить при свете Дарвинизма его генезис?

Но счастью, не в пример «флажковой» птице, не имеющих ближайших родичей, род «**Лирохвостов**», (род «**Менура**»), обнимает **три** различных форм, из коих, правда, только две заслуживают специальных видовых названий. Эти формы — следующие:

I. **Менура Альберти**. — Родина — Квинслэнд, Ричмонд, Кларенс — река Австралии.

Хвост — менее лировидный, боковые рулевые более короткие **без** светлых и полупрозрачных партий, или выемок.

II. **Менура Виктории** — Провинция истории Австралии. С более выраженной разрисовкой боковых рулей.

III. **Менура Суперба**. — Квикнолэнд, Нов. р. Уэльс. — Номинальная форма.

Оперение двух последних форм настолько сходно, что различия сводимы лишь к **под**-видовым.

Тем замечательнее форма первая: **Менура Альберти**. Хвост у нее является как бы «началом», полу-фабрикатом, по сравнению с дефинитивным состоянием его у **Суперба**. И сопоставляя два этих хвоста, мы, стоя на позициях ортодоксальных дарвинистов, вынуждались бы признать разную степень чувства «эстетизма» у обеих птиц.

Пришлось бы допустить, что самки **Альберти** оказывались менее взыскательны при выборе самцов, довольствуясь лишь первыми намеками на «лировидность» рулевых пернатых обожателей, тогда как самочки **Суперба** проявляли высший «эстетизм», соглашаясь лишь на максимальное развитие хвостов и изящно-вычурном их оформлении.

Едва ли нужно говорить, насколько допущения такого рода несерьезны и звучат грубейшим антропоморфизмом.

Поучительнее для вопроса о возникновении «Лиры» **Лирохвостов** состояния хвоста их самок, на которых до сих пор не обращали должного внимания.

При рассматривании спереди подобного хвоста он поражает полной противоположностью строения по сравнению с хвостом самца: все рулевые — с плотными, сплошными опахалами, ступенчатые по длине, самые длинные в середине, постепенно укорачиваясь литерально.

При рассматривании со спины хвост самок ничего не говорит о генезисе лировидного хвоста самцов.

Не то, если смотреть на тот же хвост с вентральной, тыльной стороны. С первого взгляда обращают на себя внимание два крайних рулевых, тех самых, что в хвосте самца дает подобие «оправы» **Лиры**.

Будучи весьма короткими, эти два крайних рулевых пера несут те же полупрозрачные «наметки», тот же вычурный рисунок из сменяющихся темных и полупрозрачных поперечных небольших полос, что у самца и даже окончания этих двух крайних рулевых несут подобие слабого загиба.

А теперь попробуйте из этого хвоста мысленно вынести дефинитивный хвост самца! Для этого пришлось бы самкам Лирохвостов проводить «Подбор» в **трояком** направлении: по линии **удлинения** двух крайних

рулевых, по линии **укорочения** средних, медиальных) и по **истончению** их опахал, сведению их до нитевидных состояний, имитации тончайших «струн»! — Подбор, конкретно **невообразимый!**

На предшествующей паре птиц мы ознакомились с нарядами, ничем не выдававшими путей и способов их оформления.

И головные выросты «флажковой» райской птицы и не менее загадочная форма оперения хвоста у Лирохвоста не являются никаких следов их **постепенного** формирования путем наращивания, накопления частей их составляющих.

Оба они, эти «орнамента», ничем не выдают их постепенного лишь возникновения в порядке медленного развития, и роста.

А поскольку явные отличия в строении хвостов обоих **Видов** Лирохвоста (Альберти и Суперба) суть одновременно различия и **Видового** ранга, не имеем на означенном примере случай убедиться лишней раз в неэффективности учения о роли мелких индивидуальных уклонений в эволюции живых существ.

Предоставляя кристаллографам или петрографам назвать в пределах их наук примеры или случаи спонтанного возникновения сложных, гармонических структур, мы вынуждены на сегодня ограничиться нашим бессилием ввести явления эксцессивного развития вторично-половых отличий типа приведенных двух к биологическим причинам, или факторам.

И тем уместнее закончить настоящую главу, а одновременно весь Очерк наш критическим разбором оперения одной общеизвестной птицы, а подтверждение элементарной истины о том, что величайшие загадки мира, повседневно окружают нас и потому лишь остаются без внимания, что **мнимо** кажутся давно решенными.

А потому оставим чуждых нам аборигенов экзотической Новой Гвинеи и Австралии и мысленно переведем внимание на одного из самых красочных (былого, правда, уроженца знойной Индии..) обычных обитателей Московского Зоологического Сада.

Рассуждая «резво», можно было бы сказать: что может быть банальнее, чем хорошо знакомое с глубокой древности

перо Павлина,

украшается когда то выездные шапки русских ямщиков!

Но присмотритесь ближе к этой **мнимо** хорошо известной птице, именно к ее великолепному, сверкающему шлейфу из смарагдово-лазурных и глазчатых перьев удлиненного надхвостья (самый хвост из относительно коротких темных перьев только подпирает золотистый шлейф.)

Но не строение отдельного-общеизвестного-павлиньего «Глазка» здесь занимает нас, а постепенное его формирование, чудесно закрепленное на оперение **той же** птицы.

Идя со спины с ее сверкающими золотом короткими чешуйчатými перьями по направлению к пояснице и отсюда к основанию развернутого «шлейфа», можно видеть, как на опахалах золотых-смарагдовых чешуек появляется сначала лишь едва заметно слабое подобие, намек на будущий «Глазок»; как в меру продвижения далее назад, Глазок растет и оформляется в оправе окружающих его рассученных тонких боронок опахала. Шаг за шагом можно проследить все стадии, все фазы зарождения, развития и формирования волшебного «**Глазка**».

Мы словно перелистываем «книгу» и читаем постепенную «Историю» Павлиньего Глазка.

Но это — далеко не все! Допустим, мы познали, поняли происхождение волшебного орнамента в центральной части фееричного павлиньего надхвостья. Так естественно спросить: Как завершить, чем обрамить с боков этот великолепный шлейф?

Можно уверенно сказать заранее, что ни один художник-декоратор не сумел бы предсказать, предвидеть форму завершения шлейфа, говоря точнее, способ окончания длинных перьев, образующих великолепный «веер-щит» и обрамление его с боков.

Что может быть чудеснее и неожиданнее разрешение этой двойной задачи силами самой природы!

Первое — ценою постепенного исчезновения «глазка» с его заменой, столь же постепенной — тонким, нежным «вильчатым» образованием, второе, обрамление, тоже но путем ассиметричного отодвиганием глазка с его заменой «гофрированным» и односторонним опахалом, лишь на стороне, которая в развернутом «щите» направлена к земле.

Иначе говоря, строение и разрисовка каждого пера оформлены как бы с учетом его местоположения, как части целого. Точнее: в этом изумительном и целостном Орнаменте не **часть** определяет **целое**, а **целое** — определяет **части**, место и значение каждого пера при созерцании **всех** частей в их совокупности!

Невольно и естественно спросить: В каком порядке возникали, как слагались компоненты этого столь гармонического целого?

Кто регулировал создание этого **трояко** изумительного украшения: прогрессивное развитие «Глазков» и симметрическое размещение на развернутом «Панно», ассиметричное недоразвитие опахал и боков щита и симметричное исчезновение глазка в дистальном окончании щита с заменой грациозным вильчатым образованием на вершине каждого пера...

Кто зачинатель, завершитель этого столь совершенного и завершенного орнамента, в котором ни одно перо не может быть изменено и смещено без нарушения гармонии целого?

Кто, в интересах целостности восприятия с таким искусством закрепил для каждого из трех различных типов перышек с их нечувствительными переходами определенное лишь место в этом феерическом «панно»?

Нам отвечают: Эстетизм самки, самочки павлина, — Павы!

То, что не по силам самому искусному художнику, то произвольно и без тени оснований возлагается на эстетизм, поведение птицы!

Это ли не беспримерный антропоморфизм и не примитивная романтика!

На приведенном только что примере хорошо известной птицы, — оперения Павлина, можно убедиться в непреложности двух истин: в неоправданности многих положений, мнимо почитаемых решенными, и что для подлинного разрешения их нужен отказ от двух главнейших зол: **предвзятости** и **догматизма!**

Более достойно истинной науки /честно и открыто признавать свое лишь временное, проходящее незнание, чем упорно и лишь по традиции цепляться за наивную неправду.

Подводя итог всему доселе сказанному можно бы сказать:

На базе полного признания эволюции живых существ минувшее столетие внесло **два** корректива в объяснение и уточнение **Видовой** Проблемы: широчайшее принятие **мутативного** возникновения **неадаптивных** видовых отличий и сомнение в «Половом Подборе», как источнике и регуляторе вторично-половых **неадаптивных** признаков.

Не будучи оригинальными два этих корректива претендуют на новаторство фактического их обоснования в нашей работе.

Мысль, лишь афористично и попутно высказанная некогда одним из величайших дарвинистов прошлого столетия, нашла реальное обоснование в семидесятилетних личных наблюдениях пишущего эти строки.